

ВЛАДИМИР СМЫК

ДИМИТРИЙ ДУДКО — МОЛИТВЕННИК ЗА РОССИЮ

(К 90-летию со дня рождения)

В 60-е годы прошлого века, после того как Хрущев восстановил “ленинские нормы” во взаимоотношениях церкви и государства (то есть запретил священникам всякую деятельность за стенами храмов, число которых уменьшил вполтину) и пообещал в скором времени показать по телевизору последнего попа, нива Христова не оскудела делателями, чьи голоса слышали многие тысячи русских людей, истосковавшиеся по истине, жаждавшие утешения, желавшие исправить свою жизнь. Особое место среди них занимает священник Димитрий Дудко, девяносто лет со дня рождения которого исполняется в нынешнем феврале.

Детство, война, тюрьма

Он родился на Брянщине в деревне Зарбуда (теперь Березина). Батюшка говорил, что если бы не крестьянская закалка, полученная в ранние годы, ему бы не выдержать выпавшие на его долю испытания. Они начались еще в детстве: главу семьи Сергея Ермолаевича за отказ вступить в колхоз арестовали. Елизавета Никаноровна, мать троих детей (Митя был первенцем), осталась практически без средств к существованию. Муж вернулся перед войной, физически измученный и больной.

В их семье было принято каждый день вслух читать Евангелие. Митя обычно слушал рассеянно, не вникая в содержание, но вот однажды пятнадцатилетним подростком он стоял у окна, и ему вдруг пришла мысль прочитать Новый Завет — то был внутренний голос, которому он подчинился. “Меня поразила любовь Божия к человеку, — передавал отец Димитрий впечатление от первой самостоятельной встречи со святой книгой. — Я стал каждый день читать Евангелие... Помню, как-то при произнесении слова БОГ меня вдруг охватили такая радость, сладость, блаженство, что милее этого слова для меня ничего не было”.

Были и чуждые влияния, но длились недолго — в моменты искушений мальчик молился Иоанну Златоусту: “Наставь меня” — и искушения не повторялись. Свою первую Литургию отец Димитрий служил в московском Спасо-Преображенском храме 26 ноября 1960 года. В этот день Церковь празднует память святого Иоанна Златоуста.

Только что рукоположенный иерей имел за своими плечами большой и трудный жизненный опыт: фронт, ранение, тиф, после которого рядового

Дудко комиссовали. В 1945 году поступил в духовную семинарию, в 1947-м – в духовную академию, из которой его через полгода взяли на Лубянку, судили по знаменитой 58-й статье (“антисоветская пропаганда и агитация”) и отправили на Колыму. В 1956 году он был освобожден, восстановлен в академии и окончил ее, когда ему было 38 лет.

Спасо-Преображенский храм, где начал свое пастырское служение отец Димитрий, был кафедрой Митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича). Митрополит, высоко отзывавшийся о Сталине и критиковавший антицерковную политику Хрущева, был отправлен на покой, находился практически под домашним арестом и в 1961 году скончался в Боткинской больнице при обстоятельствах, которые не исключают мученическую кончину. За день до его смерти на свет появился Миша Дудко, и владыка всё интересовался, родила ли его духовная дочь Нина, которую он познакомил с отцом Димитрием, когда тот оканчивал духовную академию. А через два года была взорвана Преображенская церковь. Батюшку перевели в храм Святителя Николая, что на Преображенском кладбище.

От Никольской церкви до Лефортовской тюрьмы

В этом храме началась его известность. Он показал себя не только смелым проповедником (здесь отец Димитрий был прямым продолжателем Митрополита Николая) – батюшка своим пастырским словом “выходил за церковную ограду” – связывал молитву христианина с жизнью, с амвона отвечал на вопросы прихожан. Вечером, после Всенощной, в тесный храм набивался народ со всей Москвы: стояла молодежь, что тогда было в новинку, ученые, писатели, художники, крестьянки, приехавшие из подмосковных сёл...

Вопросы могли быть самые острые. Например, “Отец Димитрий, что вы выставляете Церковь как пример? Откройте глаза и посмотрите на современное духовенство, хотя бы и на самого Патриарха. Это пресмыкательство перед властями, трусость”. “Вы видите недостатки современного духовенства, указываете на самого Патриарха, – отвечал батюшка, – но, знаете ли, что смотрите слишком поверхностно? Кто еще находится в таком беспорядке, как Патриарх? Рассказывают, что он окружен тысячами осведомителей. Патриарх вздохнет, а уже во всех органах слышно”... Органы, естественно, не могли не отреагировать – в 1973 году ему запретили служить. Общественные пороки, распад семьи, пьянство, преступность он рассматривал как отход от Христа, результат многолетнего насаждения атеизма. Такой взгляд казался крамольным лишь потому, что с официальных позиций эти пороки можно было критиковать только как продукт незрелости социально-экономических отношений. Батюшка, однако, никогда не переходил ту границу, за которой начиналось противление советской власти. Сошлюсь на английскую исследовательницу Джеймс Эллис, внимательно изучавшую процессы в Русской Православной Церкви в 60–70-е годы и, надо отдать должное этой женщине, любившей Россию: “Внимательное изучение текста бесед с вопросами и ответами показывает, что отец Димитрий не делал того, в чем его обвиняли: он не критиковал церковное руководство – напротив, он защищал его от других критиков; он не участвовал в политических дискуссиях; не нападал на советскую власть; он критиковал атеизм, но выражал при этом скорбь и сочувствие по отношению к атеистам; и он пытался, прежде всего, разъяснять элементарные, основные истины христианства... Очень русский по духу, он и обликом – очень русский: коренастый с крупной головой, ясными голубыми глазами. С людьми, со всеми, – он ласково внимателен, слушает, о себе говорит мало, но от каждого общения с ним остается чувство: как глубока и радостна его вера! Человек он удивительно цельный и простой, и его проповедь находит прямой и точный путь к человеческому сердцу”.

Через несколько месяцев отцу Димитрию разрешили служить, но из Москвы направили в подмосковное село Кабаново, в деревянную церковь в честь Великомученика Никиты. Через некоторое время отец Димитрий попал в автомобильную катастрофу, вероятнее всего, подстроенную. Он ехал на свою малую родину в Березину причащать тяжело заболевшего брата. На переезде сказали, что впереди мост разобран, и надо ехать в обход. При этом шлагбаум не был опущен, впереди двигалась машина, которую никто не останавливал. Но водитель подчинился, повернул. Чтобы попасть в Брянскую

область, крик пришлось делать большой. В какой-то момент он обратил внимание на две “Волги” с милицейскими номерами. Потом местные жители говорили, что никогда раньше таких машин здесь не видели. На обочине стояли самосвал и карета “скорой помощи”. Самосвал вдруг развернулся и перегородил дорогу – тормозить было поздно. Машина, по счастью, ударилась не в топливный бак – произошел бы взрыв, и от нее ничего бы не осталось, – а в колесо. У батюшки были перебиты колени обеих ног. Дароносица – переносной сосуд со Святыми Дарами – прогнулась, но защитила грудь. “Христос принял на себя удар”, – скажет потом отец Димитрий. Врачи приговорили: на ноги больше не встанет, в лучшем случае костыли; о службе нечего думать. Но батюшка уже через пять месяцев служил в храме Гребневской иконы Божьей Матери.

Его имя привлекает в подмосковную усадьбу Гребнево многих, особенно молодежь, которую батюшка заметно привечает. Он ведет с молодыми людьми беседы, учит не бояться: с его благословения, например, на Пасху мы организовывались в дружину, противостоя попыткам милиции пускать в храм только пожилых людей. Проповеди отца Димитрия слушали, открыв от изумления рты. Они широко ходили в самиздате, публиковались на Западе. В 1980 году батюшку арестовали по 70-й статье УК РСФСР за антисоветскую деятельность.

Он пять месяцев проводит в тюрьме Лефортово. За границей всё это время бушует кампания в защиту отца Димитрия, возглавляемая Солженицыным. Западу она особенно выгодна, потому что там выступают за бойкот летней Московской Олимпиады, а преследование известного русского священника – дополнительный повод показать спортсменам, в какую страну они хотят поехать. И вдруг накануне Олимпийских игр отец Димитрий выступает по телевидению и в газете “Известия” с заявлением, в котором он по существу отрекается от тех, кто ставил своей целью борьбу с коммунистическим режимом. Либеральное общественное мнение, уже примерявшее к нему красные ризы мученика, возмущено: почему освободился, почему не пошёл на крест?

О бабушке, сереньком козлике и любви к России

Писатели и публицисты разного толка, причем не только либерального направления (Леонид Бородин, Александр Нежный, Яков Кротов и др.), обычно делят жизнь отца Димитрия на два этапа – до и после Лефортово. Так или иначе, порой с определенными оговорками, они расценивают первый этап деятельности батюшки как диссидентский, а второй как соглашательский, как отход или даже как прямую измену своим принципам, своей пастве, своим друзьям из диссидентского лагеря. Они нередко аргументируют такое деление, выискивая из огромного литературного наследия батюшки цитаты, отражающие душевные муки, которые он пережил, оставленный сонмом окружавших его прежде людей. От них теперь он слышал только обвинения в предательстве и призывы отказаться от заявлений, сделанных в июне 1980 года. Убежден, что это деление искусственно. Во-первых, отец Димитрий – снова приведу объективное свидетельство англичанки Джеймс Эллис – “никогда не нападал на советскую власть”, пафос его проповедей, священнической деятельности, всё, чему он учил с амвона, на беседах в сторожках при храмах в Гребнево, Виноградово, Черкизово – сделать веру живой, соединить нашу молитву и жизнь. Атеистическое государство ограничило миссионерскую деятельность церкви, не разрешало откликаться на запреты современности. Отец Димитрий нарушил этот запрет. Он боролся с атеизмом, а диссиденты – с советским государством, имевшим атеистическую идеологию. Поэтому в 60–70-е годы они и батюшка оказались попутчиками. Отец Димитрий, пожалуй, духовным зрением увидел и поэтому понял раньше других, что диссиденты, борющиеся с КГБ, с государственной советской машиной, целят в Россию, что большинству из них она чужда, она для них – “эта страна”. А батюшка всем сердцем любил Россию “за слезы, / за горе, общее со мной”, как писал он в одном из своих стихотворений.

“Россия сейчас переживает страшное время, – говорил отец Димитрий о нынешних “демократических” временах, – мы повторяем Голгофу Христову”. Он умилялся вопросу неграмотной старушки, спросившей у него: “Правда ли, батюшка, что Христос, когда его распинали, всё время смотрел на Россию?”

“Что бы и как бы ни было в нашей стране, – говорил отец Димитрий, – мы являемся патриотами своей Родины. Наш патриотизм не от славы земной,

а от любви к людям”. Эта любовь родственна любви к России Достоевского, сродни лермонтовскому чувству народа (не случайно батюшка высоко его ценил). Поэта тоже не волновала “слава, купленная кровью”, но он был “смотреть до полночи готов / На пляску с топаньем и свистом / Под говор пьяных мужичков”. Цитирую теперь отца Димитрия: “А дела, дела ваши где? – кто-то закричит. Более спившегося и преступного народа, чем русские, нет в мире... Да, я согласен: мы – разбойники, но не разбойник ли первый услышал от Господа: сегодня же будешь со Мною в раю. Эта жажда религиозная и оправдывает русских – и пьяных, и преступных. Как по Достоевскому: войдите, говорит Господь, в блаженство вечное, слишком вы исстрадались на земле”.

Здесь отец Димитрий, конечно, имеет в виду слова Мармеладова из “Преступления и наказания” о Страшном суде Божиим: “Возглаголет и к нам: “Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники... И прострет к нам руке Свои, и мы припадем... и заплачем... и все пойдем! Тогда все пойдем... и все поймут”.

Батюшка на беседах рисовал нам такую картину-притчу: душа, отлетев от тела, стучится в райские двери.

– Ты откуда? – слышит она голос апостола Петра.

– Из России.

В замок вставляется ключ.

– Раз из России – проходи.

А вот другая душа стоит у ворот и тоже просится в рай.

– Откуда, из России? – спрашивает апостол.

– Нет.

– А к русским как относился?

– Плохо.

– Тогда не открою... .

Мы сидим в сторожке Никольского храма в селе Черкизово, трапезничаем, задаем духовному отцу вопросы и в его ответах ощущаем и логику, и острый ум, и любовь. Вдруг в голубых глазах его мелькает озорная искорка:

– А теперь я вас спрошу. Жил-был у бабушки какой козлик?

– Серенький, – отвечаем.

– А бабушка какая была?

– Наверное, беленькая, – догадываемся мы.

– А почему беленькая?

– Потому что старенькая, – смеемся в ответ.

Но батюшкины глаза уже не смеются:

– Да нет ей еще и шестидесяти. Страдания ее убелили.

И помолчав, добавляет:

– А потом и козлика отобрали... .

Я как-то назвал отца Димитрия “народным батюшкой”. Он и впрямь был представителем низового, народного православия, молитвенником за Россию и русский народ. Он его всегда просвещал Светом Христовым и верил в то, что народ не отступит от своего Господа даже тогда, когда придут последние времена. Характерна в этой связи притча, которую отец Димитрий привел в своей книге “Как ходить по лезвиям и не обрезать”:

“Священник как-то в компании говорит:

– Русские – самый недисциплинированный народ.

Еврейка, близ сидящая, подтверждает:

– О да.

Священник продолжает:

– Когда придет Антихрист, все ему в силу своей дисциплины будут кланяться, а русские скажут: “Зачем ему кланяться?” – и не поклонятся.

Так вот недисциплинированность русского народа становится даже добродетелью, а теперь русских только осуждают, не понимают, какая сила скрывается в них”.

Таким образом, говорить о духовном надломе Димитрия Дудко, о том, что после Лефортовской тюрьмы он изменил себе – значит не видеть того, что определяло единство и цельность его личности на протяжении всей жизни: любовь к Богу, к стране, ее народу, к правде, верность Русской Православной Церкви, в которой он видел народную заступницу: “Иерархия не авторитетом связана, а союзом любви, поскольку она любит этот народ, печется о нем, и она, иерархия, становится хранительницей истины”.

Любите врагов ваших

Сравним судьбу отца Димитрия Дудко с судьбой Глеба Якунина – их арестовали практически одновременно. Глеб Павлович прошел лагеря и ссылку и был амнистирован в 1987 году. Отдавая должное его человеческому мужеству, нельзя не видеть, что деятельность бывшего отца Глеба уже много лет носит откровенно антирусский, антигосударственный и антицерковный характер. Отлученный Московским Патриархатом, он перешел в раскольничью Украинскую православную церковь; как общественный деятель борется с ксенофобией и антисемитизмом, выступает против военно-патриотического воспитания, защищает ученого Оскара Кайбышева, судимого за незаконный экспорт технологий двойного назначения. И в страшном сне не приснится батюшка в роли подобного диссидента, ненавидящего русский народ.

“Любите врагов ваших”. Если уж говорить о том, что дало батюшке лешфортовское сидение, то это, смею думать, глубокое понимание и безусловное исполнение данной заповеди. “Умер мой следователь. Вздрогнул я, как-то неожиданно перекрестился. И как будто всё. Но проходит время, чувствую, рана не закрывается, болит. Что такое? Умер. А я мечтал встретиться с ним за дружеским столом, поговорить так, как говорили за следственным – теперь не придется. И даже слезы напрашиваются... Владимир Сергеевич умер. У меня больно сжалось сердце, ведь он был гораздо моложе меня. Я, может быть, думал, что он следствие ведет, играя, а тут, выходит, переживал, и переживание дало о себе знать. Я живу, а он умер, значит, он больше меня страдал... Бывшие друзья только обвиняли меня, а кто был дружески настроен – это чекисты... Судить легко, все вскроется только на Страшном Суде”. Батюшка говорил: когда он умрет, первый, кто его встретит на том свете, будет его следователь Владимир Сергеевич Сорокин...

Заповедь “любите врагов ваших” в перестроечной России высветила для батюшки по-новому проблему свободы Церкви. В статье “Из выводов XX века”, опубликованной в 2005 году в “Нашем современнике”, Олег Михайлов вспоминал, как отец Димитрий в компании русских писателей почвеннического направления (а надо сказать, что он многих из них знал, крестил, окормлял) в 70-е годы бранил коммунистов за их гонения на церковь. Но вот пришла перестройка, прекратились гонения. И что же? Ведь многие нынешние священники, особенно принадлежащие к молодому поколению, считают, что свобода пошла на пользу церкви. Реставрируются и строятся новые храмы, открываются монастыри. Отец Димитрий, разумеется, не отрицал эти внешние успехи, но он опасался, “не заходят ли люди в нашу русскую Церковь, хотящие ее изнутри взорвать и разложить, оттого и реформаторы самодельные появились, оттого и устраивают христианский ликбез, думают этим поразить русскую душу. А не лучше бы им поучиться от мученического опыта русского человека? Как нужно исповедовать Христа, как в него веровать!”

Батюшка с огромной тревогой наблюдал разгул вседозволенности, которым сопровождался слом советской идеологии. Он увидел в так называемых демократах горбачевского и ельцинского призыва соблазнительей. “Если раньше оскверняли храмы, то сейчас оскверняют души. Что страшнее? Посмотрите на календарь – сколько новомучеников советского периода каждый день! Значит, мы среди святых. Поэтому надо, чтобы и жизнь наша была святой. А разве у нас она такая? Поэтому я смотрю на эту свободу как на страшный беспредел, ведущий ко всякому преступлению. Сравниваю по Евангелию: безбожники были наши враги. Но сказано: “Любите врагов ваших. Благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас”. А о соблазнительях что сказано: “Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит... А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше бы было, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской” (Матф. 18, 6–7).

Те, кто обвиняют отца Димитрия в отступничестве от прежних взглядов, не хотят видеть, что батюшка был всегда поборником правды и ей никогда не изменял. “Ищите прежде Царства Божия и правды Его”, а то, что противоречило этой правде, он не мог принять: “Перед чем я могу смириться? Перед ложью не могу... Могу смириться перед тем, что понятно мне, что свято, что ведет к возвышению духа, – это значит, смирение может быть только перед

Богом... Ни к кому, ни к чему я не примыкал, кроме Церкви, не занимался и не занимаюсь бунтарским делом, и также не изменял и не изменяю принятому направлению, только меняю формы, смотря по обстоятельствам”.

Если уж сравнивать положение, в котором находился батюшка и его бывшие попутчики-диссиденты, то нельзя не отметить, что последние не без выгоды для себя использовали социально-политическую ситуацию, сложившуюся в стране после распада Союза. Их фронда находит поддержку у многочисленных неправительственных организаций, спонсируемых Западом. Строго говоря, либералы, которые вчера были не согласны с СССР, а сегодня – с Россией, всегда были согласны с Западом. А отец Дмитрий всю жизнь проходил в несогласных: при советской власти он боролся с атеизмом, а после нее – с теми, кто разрушает базовые ценности, на которых стоит страна, кто подрывает моральные устои общества, размывает православие, ослабляет Церковь, унижает русский народ, уничтожает Россию. За это он, конечно, не получал ни бонусов, ни грантов, ни премий, которыми Запад щедро одаряет правозащитников и прочую либеральную оппозицию. То, как жил батюшка материально, достатком можно назвать только с известной натяжкой. Скромна была и его квартира, которую он утеснил, превратив одну из комнат в домашнюю церковь. А в остальных двух и в тесной прихожей до самого потолка – книги, книги...

Средоточием интересов отца Дмитрия, целью его многотрудной деятельности всегда был человек, а сказать точнее, спасение человека для жизни вечной. За сорок с лишним лет своего служения батюшка крестил десятки тысяч, он звал ко Христу, проповедуя Слово Божие с церковного амвона, на беседах в квартирах своих духовных чад и библиотеках, куда его приглашали, со страниц сорока четырех написанных им книг. Он радовался, когда крещенные все чаще стали принимать члены КПРФ: “То, что коммунисты отменили атеизм и идут к Церкви, пусть и со своими некоторыми лозунгами, что они уже направились к Богу, это надо приветствовать, забыть всё и встречать их как братьев. И то, что коммунисты не смотрят на Запад, это показывает на их укорененность в этой земле”.

Священник и генералиссимус

У отечественных либералов неприязнь и прямую враждебность вызывает не только изменение отношения отца Дмитрия к чекистам и коммунистам (батюшка был доверенным лицом Геннадия Зюганова на выборах в Государственную Думу), но, прежде всего, его оценка Сталина – она противостоит всем бесплодным попыткам десталинизации российского социума.

Из наших церковных деятелей он, пожалуй, больше других размышлял над феноменом Сталина.

*Я вас согласен почитать
И даже славить, но не в силах,
Когда слепая ваша рать
Гуляет буйно на могилах.
Какой из ада страшный плач
Несется: умерли в неверье.
И вы мне кажетесь палач,
Их погубивший, самый первый.*

А вот другая цитата:

“Он и отец родной был. Заботился о народе. Ну, и как отец наказывал. Сажал! А что, преступников надо наказывать. Вот сейчас не наказывают, и – видишь, что происходит. Грабят и убивают на каждом шагу”.

Обе цитаты принадлежат Дмитрию Дудко. Обе о Сталине. Первая вышла из-под его пера в 1944 году. Вторая – через 33 года – в 1997-м.

Эта диалектика отношения к Сталину буквально по Гегелю: отрицание отрицания. Подчеркну: она пережита в личном опыте, а не в умозрении, пережита человеком, который восемь лет отсидел в сталинских лагерях. Дудко вслед за патриархами Сергием, Пименом, святым архиепископом Лукой назвал Сталина “богоданным вождем”. Кстати, и Александр Зиновьев, в шестнадцать лет оказавшийся на Лубянке по подозрению в подготовке покушения

на вождя, прошел тот же путь. Цитирую: “Во главе России стоял Сталин, которого я считаю гениальным государственным деятелем и великим политиком XX века”.

С этими словами философа перекликается высказывание отца Димитрия: “Не сразу Сталин осознавался как Русский Гений, не случайно он обладал скромностью и безсребренничеством, нравственными устоями. Нам, Православным людям, испытавшим гонение за Веру, нужно забыть обиду, как и подобает христианам”.

В 1999 году, основываясь на обнародованных Владимиром Крючковым документах, касавшихся отношения ЦК ВКП(б) к церкви и подписанных в 1933-м и 1939 году Иосифом Сталиным, отец Димитрий опубликовал в “Нашем современнике” статью “Он был верующим”. Утверждение многим показалось неожиданным, однако со временем находится все больше аргументов, заставляющих усомниться в том, что вождь мирового пролетариата был убежденным атеистом.

Образ Сталина занимает заметное место в литературном творчестве отца Димитрия Дудко. Он герой ряда его произведений. Сталину посвящен отдельный рассказ-притча “Посмертные встречи со Сталиным”.

Центральное место рассказа – встреча на том свете Иосифа Сталина и Николая Романова: “Когда Сталин увидел, что перед ним во всем мученическом величии царь Николай Второй, он сначала загородил рукой свои глаза, потом открыл их, протер и тут же бухнулся в ноги”.

Это акт покаяния и акт взаимного примирения. “Знаю, – говорит государь Сталину, – как ты старался сохранить страну как империю. Вот нет тебя, и всюду развал”. Что означает это взаимное примирение? Оно символизирует соединение двух исторических путей России: православной монархии и социалистической империи. “Как бы то ни было, – пишет отец Димитрий, – коммунистическое движение на русской земле – это часть русской истории, и отбрасывать этого нельзя”. Надо сказать, что батюшка все годы своего служения – в домашних молитвах, на молебнах, в которых участвовали его духовные дети, всегда молился Николаю II как святому мученику. Тогда на это решались немногие священники. И то, что он устроил первую в нашей литературе встречу православного государя и вождя красной империи, имеет глубокий смысл: это образ не просто примирения, это образ соединения двух русских держав: царской и советской. Отец Димитрий, в данном случае как художник, показывает необходимость такого соединения и заставляет нас размышлять о нем в историческом и социально-политическом аспектах.

“И о чудо!..” – о батюшкином обществе трезвости

Отец Димитрий не знал праздности. Мне довелось в течение 37 лет слышать его голос, и никогда в нем не было расслабленных нот или ленивых интонаций. Голос, как и дух его, всегда был бодр. Сколько отводил на сон этот величайший труженик? Дай Бог, часа четыре в сутки, да и то урывками. Когда ему говорили: “Батюшка, вы бы отдохнули”, он обычно отвечал: “Отдыхать будем на том свете”. Представим день отца Димитрия: едва рассвело, батюшка читает утреннее молитвенное правило, затем правило, которое священник читает перед Божественной Литургией, потом служит в храме. Отшла обедня – его окружают духовные чада, прихожане, у каждого или вопрос, который надо решить, или спросить совета. За трапезой – беседы, преимущественно на религиозные темы, но затрагиваются и вопросы семьи, брака, литературы, общественные проблемы. После трапезы батюшка перебинтовывает ноги – автомобильная катастрофа дает о себе знать – и прикладывает на кушетку в своей комнате. Приглашает к себе тех, кто с ним хочет говорить, или с кем сам хочет побеседовать. К нему постоянно кто-то приходит, непрерывно раздаются телефонные звонки. Он всегда с людьми, от него невозможно услышать: “Я сейчас занят, позвоните или зайдите в другой раз”, – даже если он пишет проповедь к завтрашней службе, работает над книгой или сочиняет очередное стихотворение. На прогулке он редко гулял в одиночестве.

Вспоминает Михаил Петрович Лобанов: “Днем мы, прогуливаясь с ним по берегу Москвы-реки, удивительно широкой здесь, разговаривали на разные темы, для меня он был Дмитрием Сергеевичем, чуть не коллегой по литературе. После вечернего богослужения, трапезы с участием большой группы

молодежи, мы отправились на ночлег. Я лежал на диване, а за перегородкой стоял отец Димитрий и полушепотом читал молитвы... И вот теперь, слушая за перегородкой молитвы отца Димитрия, я почувствовал недостижимость его для меня, и все наши недавние дневные разговоры были как будто с другим человеком. Было уже за полночь, глаза мои слипались, одолевал сон, я со все меньшим вниманием прислушивался, а он все молился, молился..."

Можно сказать, что жизнь батюшки состояла из молитвенного общения с Богом и общения с людьми, которых он стремился привести к Богу. Отец Димитрий использовал каждую возможность живого общения с человеком. С началом перестройки, когда народ стал широко интересоваться вопросами веры, а власти перестали навязывать атеистическое мировоззрение, перед батюшкой открылись читальные залы некоторых библиотек: его туда приглашали для бесед с читателями. Приходили десятки и сотни посетителей, чтобы послушать священника, задать вопросы. В головах у совпросников отца Димитрия нередко была путаница. Объяснялась она не только тем, что в стране десятки лет правил атеизм — в страну хлынули проповедники всех мастей, принадлежавшие к самым различным конфессиям: католики, сектанты, буддисты, кришнаиты, язычники... Сегодня Патриархия требует от священников работы с молодежью, чтобы она не попадала в тоталитарные секты, вела здоровый образ жизни. А батюшка вел эту работу всегда, не дожидаясь указания от церковного начальства. Встречи в библиотеках начинались с процедуры, ставшей по существу обычаем: батюшка записывал тех, кто впервые пришел на его беседы, в общество трезвости. Вступили в это общество тысячи — поскольку встречи в библиотеках проходили практически каждую неделю в течение многих лет. Отец Димитрий не отказывался от этих встреч, даже тогда, когда силы стали его покидать, и приходил на беседы уже глубоко больным. Они прекратились только тогда, когда болезнь уложила его окончательно в постель.

Все духовные чада батюшки, разумеется, были записаны в это общество. Кто-то брал обязательство не пить год, иной — всю жизнь. Смысл воздержания от спиртного был не только в личном подвиге, это было еще стояние за други своя, по слову Апостола: "Если мясо соблазняет брата моего — не буду есть мясо вовек". Конечно, батюшка, любя русский народ, не осуждал его за пьянство, но это не означало, что с самим грехом, к которому склонны наши соотечественники, он мирился. Да и не мог мириться, поскольку сказано: "Блудники и пьяницы Царства Божьего не наследуют". И он молился за всех членов общества трезвости. Тому, что молитвы его были услышаны, есть много свидетельств. Вот одно из них. Пишет раба Божия Лидия:

"Отец Димитрий объяснял нам, что наше дело — это воздержание от алкоголя и курева, а его дело молитва за выпивающих. И о чудо! Прошло 3–4 года — мой муж перестал не только пить, но и курить. Муж живет в деревне по семейным обстоятельствам (его мама 88 лет плохо видит). Я очень переживала о том, что все друзья там, в деревне, пьют. И, о чудо! Все в деревне удивляются и спрашивают мужа: "Как это ты так с собой справляешься — у нас тут уже все мужики спились. А супруг мой не ходит в храм, не молится и отвечает им, что и сам не знает, как это у него получается. Я же с тех пор, как взяла обет за него, перестала на него ругаться, спорить с ним, злиться, а главное — обет помнила и не нарушала его".

* * *

Отец Димитрий Дудко всегда жил одной судьбой со своей страной. Голод, оккупация, фронт, тюрьмы, лагеря — то, что было пережито народом, прошло и через его сердце. И в сердце его всегда горел чистый пламень православной веры, из него постоянно возносились горячая молитва Богу: "Господи, не могу судить мой народ, не суди его и Ты. Прости его за муки, вольные и невольные. Великомученик мой народ — он свят. Он кается в своих грехах, я не раз слышал: "Какие мы люди теперь..." Ты смиренным даешь благодать. Дай благодать моему народу, очисти его, убели. Да будет свят! А я дерзну назвать его святым, великомучеником".

Верю, что в Царстве Небесном такими словами молит Христа Бога обо всех нас священник Димитрий Дудко.